

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава пятьдесят девятая

Мои редакторы и критики

Тренер, цензор и начальник

Редактор в литературе играет примерно ту же роль, что тренер в спорте. Может быть, он сам не умеет писать (иногда, впрочем, умеет), но если у него хороший вкус, его помощь неоценима.

Любимицей всех авторов «Нового мира» была Анна Самойловна, Ася, Асенка Берзер. Ее ценили, уважали и обожали Виктор Некрасов, Юрий Домбровский, Юрий Трифонов, Виталий Семенов. Она счастливо сочетала в себе способности воспринимать новую вещь и как простодушный читатель, и как опытный редактор. Обладала прекрасным чувством юмора и замечала малейшую фальшь. Работая над рукописью, Ася делала на полях едва заметные пометки карандашом, чтобы в случае чего можно было стереть. Но, поскольку замечания ее были убедительны, авторы с ней чаще всего соглашались.

Ася Берзер и Инна Борисова не дали мне возможности в них разочароваться, с Игорем Сацем у меня бывали серьезные разногласия, хотя к «консенсусу» мы, в конце концов, приходили.

«Новомирских» редакторов мне потом было с кем сравнить. В Советском Союзе редактор исполнял и цензорские функции и, как правило, считал себя начальником над писателями. Больше других запомнилась редактор из «Политиздата», где выпускались не только материалы партийных съездов, но и художественная литература. В конце 60-х в ЦК КПСС, видимо, решили отвлечь внимание некоторых фрондировавших писателей от современных тем и создали для них историко-революционную серию «Пламенные революционеры». Поскольку у меня уже были большие трудности с публикациями, попал в эту серию и я – написал по заказу издательства или, точнее, по идее, рожденной в ЦК КПСС, книгу о Вере Фигнер. Мне выделили редактора Аллу, жену очень известного литератора. Алла сразу сказала мне, что я один из ее любимых писателей и что мы с ней, в общем, свои люди и единомышленники. Я ее таковой и считал, пока не закончил работу над повестью «Деревянное яблоко свободы» и с готовой рукописью не явился к Алле.

– Хорошо, – сказала Алла, кладя рукопись в ящик стола. – Сегодня среда. Завтра и в пятницу я еще буду занята с другим автором, в понедельник начнем читать.

– А в субботу вы начать не можете?
– Вы что?! – спросила она удивленно. – Хотите, чтобы я в выходные работала?

Признаться, я самонадеянно думал, что чтение моих книг не столько работа, сколько удовольствие, но Алла меня поставила на место.

– Что вы, что вы, ни в коем случае, – поспешил я ее успокоить.

Нет более геморроя

В понедельник Алла достала из ящика рукопись, раскрыла, надела очки, взяла в руку самописку и стала читать. Повесть начиналась письмом старого помещика из города Тетюши своему сыну, жившему в Казани. После некоторых наставлений следовала просьба: «А также купи мне книгу Зейберлинга «Нет более геморроя». Говорят, книга сия позволит навсегда избавиться от болезни геморроя...» Не говори ни слова, Алла вычеркнула геморрой. Я сперва растерялся, а потом, когда она занесла ручку над вторым геморроем, закричал:

– Стоп! Что вы делаете?
– Как что? – удивилась она. – Редактирую.
– Разве так редактируют?
– А как?
– Прежде чем вычеркивать что-нибудь, вы должны объяснить, почему хотите это делать, и спросить, согласен я с вами или нет.

ГЕННАДИЙ НОВОНИЛОВ

Редактор в литературе играет примерно ту же роль, что тренер в спорте. Может быть, он сам не умеет писать (иногда, впрочем, умеет), но если у него хороший вкус, его помощь неоценима. Но в Советском Союзе редактор исполнял и цензорские функции и, как правило, считал себя начальником над писателями.

Она удивилась еще больше:
– А вы со мной не согласны?
– Конечно же, не согласен. Что вас здесь смущает?
– Ну, вот это слово.
– Какое?
– Вот это.

Она тычет пером в ужасное слово, краснеет, но произнести его не решает.
– Вас смущает слово «геморрой»? Поверьте, это вполне литературное слово. Это просто название болезни. Почитайте Гоголя, у него есть герои с геморроидальным цветом лица.

Алла, кажется, была готова уступить но...
– Но вы же понимаете, что начальство это все равно не пропустит.

– Когда не пропустит начальство, я буду говорить с ним. А вы это оставьте.

Она оставила – и начальство потом пропустило. Но после моей маленькой победы Алла стала все, что ей не нравилось, подчеркивать и писать замечания на полях. Дошла до места, где герой ехал в санках. Подчеркнула «санки», на полях написала: «На санках катаются дети с горок, взрослые ездят на санях». Я ей сказал, что на санях крестьяне возят дрова, и напомнил строки из «Евгения Онегина»: «Уж темно; в санки он садится, «Пади! Пади! – раздался крик...» Алла и тут не сразу согласилась и потребовала доказать, что «санки» не опечатка.

Иногда она доводила меня до бешенства.
– Алла, – говорил я тогда ей, – вы поставлены надо мною государством и являетесь как бы моим начальником. Это мне понятно. Но как вам кажется, вот просто морально вы имеете право меня вот так беспардонно править?

– А вы считаете, не имею?
– Да, не имеете. Я взрослый человек, я известный писатель, я сам отвечаю перед читателем.

Она ударялась в слезы.
Муж Аллы защищать ее не решался, потому что был со мной согласен. А меня не защищал, потому что боялся жену – и убежал в ванную.

«Свежий голос»

Выход январского номера «Нового мира» за 1961 год задержался на два месяца и застал меня в Ленинграде, где я, будучи в командировке, записывал для какой-то радио-программы отрывки из спектаклей Театра комедии. К тому времени я подружился с Александром Володиным, автором «Пяти вече-

ров», «Фабричной девчонки», «Старшей сестры», лучших спектаклей в репертуарах Ленинградского БДТ и московского «Современника». Саша пришел ко мне в гостиницу «Европейская». Тула же явился мой армейский сослуживец Володя Давыдов, тот самый, который в пивной города Кинель врал развесившим уши собутельникам, как мы «давили этих гадов». Явившись же ко мне, Володя был потрясен тем, что я принимаю его в роскошном номере одной из двух лучших ленинградских гостиниц, что рядом со мной сидит Александр Володин. Мой приятель смотрел в театре пьесы Володина, а самого его видел по телевизору – и вот он, живой классик, общается на коротке с Володкой Войновичем! Давыдов был большой фантазер, но того, что видел, выдумать не мог бы. Он долго тряс головой, бессмысленно повторяя: «Володька Войнович стал писателем. Не могу поверить!..» Я и сам не мог поверить.

Неожиданностью для меня было обилие телефонных звонков, писем и рецензий в газетах. Первым откликом на мою повесть стала статья Владимира Тендрякова «Свежий голос есть!» в «Литературной газете». Затем последовали рецензии В. Кардина, Феликса Светова и других либеральных критиков. Я вошел в «обойму» молодых писателей, список, приводимый почти во всех статьях о состоянии современной литературы.

В то время существовали две враждовавшие между собой газеты: орган Союза писателей СССР «Литературная газета», в просторечье «Литатурка», и недавно созданный орган Союза писателей РСФСР, название которого, «Литература и жизнь», писатели сократили до аббревиатуры «Лижи». Обе газеты находились в здании на Цветном бульваре. «Литатурка» считалась изданием интеллигентным, смелым и относительно либеральным. А «Лижи», стоявшая на позициях, близких к сталинским, нападала на все новое. Мое появление в литературе этими людьми тоже не осталось незамеченным.

В «Лижи» появилась большая, на целую страницу, статья критика Михаила Гуса «Правда эпохи и мнимая объективность», в которой меня сразу утверждение, что (цитирую дословно) «Войнович придерживается чуждой нам поэтики изображения жизни «как она есть». Гус глубокомысленно рассуждал о том, что в нашей жизни существуют две правды: правда маленькая, правда факта и правда большая, правда эпохи. Если держаться правды факта, то можно достоверно описать раз-

ные бытовые подробности, но при этом будет упущено из виду главное – что все это происходит в обществе, строящем коммунизм.

Этот Гус впоследствии бдительно следил за каждым моим шагом. Когда через два года в том же «Новом мире» были напечатаны два мои рассказа, один из которых подвергся резкой критике, Гус, в целом с ней соглашаясь, написал, что критики обошли молчанием второй рассказ, который идеологически гораздо вреднее. В чем я с ним был совершенно согласен.

Плачущий Гус и злорадный Радов

В 1973 году, получив новую квартиру в «писательском» доме на улице Чернышевского (эпопея вселения в нее описана мною в «Иванькиаде»), я вскоре обнаружил, что моим соседом сверху является не кто иной, как Михаил Семенович Гус. Выяснил я это после того, как он, забыв закрыть кран в ванной, залил меня. Когда я поднялся вверх, Гус стоял с тряпкой в луже. Увидев меня, он побледнел, думая, очевидно, что сейчас я ему отомщу за «большую правду эпохи», за «чуждую нам поэтику» и за все остальное. Этого не случилось, с заливом моей квартиры мы как-то разобрались, после чего Гус при встречах со мной стал здороваться и получал в ответ сдержанный кивок. Однажды, уже перед самым моим отъездом за границу, Гус остановил меня и сообщил, что ему исполнилось восемьдесят лет.

– Поздравляю, – сказал я.
– Да уж с чем там поздравлять, – вздохнул он.
– Хотя бы с тем, что вы до этого возраста дожили.

– Да, – согласился Гус. – Дожил. И много чего сделал. Много плохого сделал. Вот и вас травил.

– Ну, это, – решил я его утешить, – уже не важно.

– Нет, важно, – сказал он и вдруг заплакал. И, махнув рукой, отошел...

Меня травил многие люди. Многие возводили на меня напраслину, клеветали, обвиняли в том, в чем я не был виноват. Некоторые потом говорили, что за давностью лет ничего не помнят. Но искренне извинился только Михаил Семенович Гус – и, конечно, я ему все простил.

Вторым человеком, нападавшим на меня регулярно, был очеркист Георгий Радов, человек, как говорили, шотландского происхождения, настоящая фамилия которого была Вельш. Большого роста, рябой, с буйными, ниспадавшими на лоб кудрями, вечно пьяный и неумно злой, он на меня нападал и на собраниях, и в газетах, да и просто при случайных встречах. Иногда это выглядело комически. Как-то в ресторане ЦДЛ он присел за мой столик и долго молча сверлил меня глазами. Потом не выдержал, заговорил:

– Ну, ты, ты! Ты думаешь, что ты писатель?
– Я думаю, что тебе лучше пойти и поспать.

Радов еще больше разозлился:
– А почему ты говоришь мне «ты»?
Естественно, я ответил:

– А почему ты говоришь мне «ты»?
Не найдя, что мне еще сказать, он вскочил и пошел приставать к кому-то еще.

Утолить ненависть ко мне у него возникла возможность в 1974 году, когда было решено исключить меня из Союза писателей. Первым этапом был разбор моего «персонального дела» на бюро объединения прозаиков. Вести заседание должен был председатель бюро некто Борис Зубавин. Но он заболел, и заместить его попросился Радов. С нескрываемым злорадством он начал заседание, но, по-моему, удовольствия получил меньше, чем ожидал: я не выглядел таким жалким, каким ему хотелось бы меня увидеть.

Меня исключили, а Радов вскоре умер. В отличие от Гуса, он, я думаю, вряд ли испытывал угрызения совести, но их испытал его старший сын Александр. Года через два после смерти отца он сказал мне примерно так:

– Мой отец был хороший человек, но по отношению к вам он был неправ и мне жаль, что он это сделал.

Продолжение следует